

© 2023. И. Н. Афанасьев

Гомельский государственный университет
им. Франциска Скорины
г. Гомель, Республика Беларусь

Соловьёв перевоз Петра Палиевского, или Жизнь и смерть идей в диалогах о войне и мире

Аннотация: В статье рассматривается образ истории, сформированный в воззрениях литературоведа и мыслителя П. В. Палиевского. Мысли Палиевского (за исключением ссылок на опубликованные труды) были высказаны им в переписке и устных беседах, записи которых хранятся в личном архиве автора. В центре внимания оказывается личный опыт Великой Отечественной войны, выраженный у Палиевского в таком теоретическом обобщении гуманитарного знания о человеке и истории, которое предполагает концептуальное первенство жизни, осмысленной в ее «стволовом» качестве как преодоления разрыва «своего» и «чужого». На этом основано понимание Палиевским героического, что влечет за собой не только литературоведческую установку, но и оценку конкретных человеческих судеб в их принадлежности большой Истории. В статье этот подход воплощен на примере воинской судьбы полководца, Героя Советского Союза А. И. Лизюкова.

Ключевые слова: П. В. Палиевский, литература человеческого документа, А. И. Лизюков, Великая Отечественная война, Соловьёва переправа, образ истории, национальная проблематика.

Информация об авторе: Иван Николаевич Афанасьев, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и мировой литературы, Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, улица Советская, д. 104, 246019 г. Гомель, Республика Беларусь.

E-mail: knigarnik@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 07.03.2023

Дата одобрения статьи рецензентами: 22.04.2023

Дата публикации статьи: 25.06.2023

Для цитирования: Афанасьев И. Н. Соловьёв перевоз Петра Палиевского, или Жизнь и смерть идей в диалогах о войне и мире // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 2. С. 182–197. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-2-182-197>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 5, no. 2, 2023, pp. 182–197. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 5, no. 2, 2023, pp. 182–197. ISSN 2686-7494

In Memoriam

© 2023. **Ivan N. Afanasyev**
Francisk Skorina Gomel State University
Gomel, Republic of Belarus

Solovyovo Crossing of Peter Palievsky, or Life and Death of Ideas in Dialogues about War and Peace

Abstract: The article deals with the image of history formed in the views of the literary critic and thinker P. V. Palievsky. Palievsky's thoughts (with the exception of references to published works) were expressed by him in correspondence and oral conversations, the records of which are kept in the author's personal archive. The focus is on the personal experience of the Great Patriotic War, expressed by Palievsky in such a theoretical generalization of humanitarian knowledge about man and history, which implies the conceptual primacy of life, comprehended in its "stem" quality as overcoming the gap between "own" and "alien." This is the basis of Palievsky's understanding of the heroic, which entails not only a literary orientation, but also an assessment of specific human destinies in their belonging to a great History. This approach is embodied in the article on the example of the military fate of the commander, Hero of the Soviet Union A. I. Lizyukov.

Keywords: P. V. Palievsky, literature of the human document, A. I. Lizyukov, Great Patriotic War, Solovyovo crossing, image of history, national problems.

Information about the author: Ivan N. Afanasyev, Candidate of Philological Sciences, docent, Head of the Department of Russian and World Literature, Francisk Skorina Gomel State University, Professor of the Academy of Military Sciences of Russia, ul. Sovetskaya 104, 246019 Gomel, Republic of Belarus.

E-mail: knigarnik@mail.ru

Received: March 07, 2023

Approved after reviewing: April 22, 2023

Published: June 25, 2023

For citation: Afanasyev, I. N. Solovyovo Crossing of Peter Palievsky, or Life and Death of Ideas in Dialogues about War and Peace. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 5, no. 2, 2023, pp. 182–197. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-2-182-197>

К знакомству с Петром Васильевичем Палиевским меня привела давняя мечта: пригласить легендарного Палиевского в Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины для чтения лекций студентам и преподавателям кафедры русской и мировой литературы, а по большому счету — для встреч с ценителями литературы. Для меня Палиевский всегда был человеком Истории, в которой драматически соседствовали угон семьи Палиевских в немецкое рабство в годы Великой Отечественной войны и вершины академической науки. Нетрудно догадаться, что приезд Палиевского в Гомель стал бы событием, и не только литературным.

Позвонив в Москву и услышав в трубке молодой голос, я представился и попросил не известного мне собеседника пригласить Петра Васильевича к телефону. В ответ услышал: «Это я и есть» — и сразу был поражен молодостью, каким-то юношеским задором, которые ощущались в голосе Палиевского и впоследствии неизменно очаровывали в личном общении с ним. К сожалению, поездке Палиевского в Гомель помешало нездоровье Петра Васильевича. Но судьба была милостивой. Состоялись мои поездки в Институт мировой литературы: по надобности служебной и в качестве стажера. Палиевский охотно согласился быть моим научным руководителем, подарив отраду предельно откровенных и честных бесед, взыскательных писем, которые неуступчиво строго договаривали всё то, на что не хватило времени в живом разговоре¹.

Начало нашим встречам положил 2016 г. Первая, продолжительная беседа состоялась в кулуарах ИМЛИ. Дистанция рукопожатия сделала еще более очевидным масштаб личности, сочетающий знание литера-

---

¹ Цитаты Палиевского из бесед набраны в тексте курсивом. Скоропостижная кончина Палиевского не позволила автору заручиться согласием собеседника на обнародование полных стенограмм. Материалы бесед представлены выборочно и характеризуют принципиальные воззрения мыслителя.

туры, жизни и взгляд за горизонт событий, где грядущее готово было препоручить себя заботам Палиевского. Реальная жизнь подчас самым неожиданным образом подтверждала его правоту, следуя точной логике умственных построений Палиевского — литературоведа и философа, блистательно воплотившего в этом единстве традицию русской мысли.

В свое время в классической работе Палиевского «Литература и теория» меня взволновала и профессионально заинтересовала его мысль о том, что серьезного внимания заслуживает факт, который в литературе существует «без посредника» [Палиевский: 137]. Палиевский говорил об опыте XX в., об опыте Великой войны. Говорил о том, что под тяжестью этого опыта человек уходит на глубину. И в этом погружении жизнь не нуждается в писателях, философах, моралистах — толкователях человека. Она обретает язык, которым начинает говорить от первого лица. И чем меньше заговорившая жизнь подбирает загодя слова, чем меньше она соответствует принятому этикету, тем она убедительнее. Палиевский называл это «литературой без писателя», «литературой человеческого документа» и подчеркивал особую ценность свидетельств, которые заносятся на бумагу без «литературных намерений» [Палиевский: 158]. Палиевский говорил о «непрошеном любопытстве» [Палиевский: 158], когда кто-то, как будто бы заглянув через плечо пишущего, видит то, что пишущий доверяет бумаге, доверяет мгновению жизни и, быть может, совершенно не намеревается когда-либо это опубликовать в виде размышлений или дневников.

Я столкнулся с этим чудом откровения жизни, когда в силу профессионального интереса и человеческого родства занимался судьбой моего дедушки — Александра Ильича Лизюкова, Героя Советского Союза, гвардии генерал-майора, командующего 5-й танковой армией. Необходимо было выяснять обстоятельства его гибели в июле 1942 г. под Воронежем и место фронтового захоронения. До 2008 г. эти обстоятельства не были прояснены, а большей частью и вовсе не были известны. Однако некоторые свидетельства присутствовали. В частности, был рассказ о последнем танковом бое Лизюкова у маршала бронетанковых войск М. Е. Катюкова в его знаменитых мемуарах «На острие главного удара». В книге сообщались подробности гибели экипажа, о которых автору «стало известно позже» [Катюков: 163–164].

Общаясь с вдовой маршала Екатериной Сергеевной Катюковой, я интересовался у нее, каково участие редакторов в подготовке этих

мемуаров, насколько учтена воля автора? Очень важно было определить роль того самого архивного массива, который может подавить непосредственность свидетельства об истории в ее жизненных поворотах. Спустя десятилетия после события, вооружившись арсеналом архивных знаний, человек может утратить первородное ощущение этого события как такового. И какой безграничной была моя радость, когда совершенно случайно на чердаке дачи маршала Каткуова была обнаружена его рукопись «Память сердца»: не опубликованная нигде, просто написанная от руки синими чернилами! Собственно говоря, «Память сердца» укрупненно поведала о фронтовом пути Каткуова так, как, наверное, об этом мог рассказать человек, который сохранил в своей памяти, не отягощенной архивами и фронтовыми сводками, то, что для него в жизни было самым важным: «Враг встретил нас огнем неподавленной многочисленной артиллерии. В воздухе появились волны тяжелых бомбардировщиков. Наша слабая артиллерия подверглась жестокой бомбардировке и замолчала. Танки горели, а успеха не было. <...> К т. Лизюкову приехал тов. Чибисов¹ и, видя неуспех, начал оскорблять т. Лизюкова и обвинять танкистов в трусости. Это было несправедливо, дело было не в трусости, а в отсутствии средств подавления врага. Т. Лизюков был глубоко оскорблен и вместе с комиссаром корпуса сел в танк и еще раз повел корпус в атаку. <...> Танки наши горели, но и эта атака была отбита. Т. Лизюков вместе с комиссаром и остальными членами экипажа погибли в танке, и танк остался на поле боя, на территории, занятой врагом. Я приказал командиру 1-й гв. бригады т. Горелову прикрыть огнем и частичной контратакой эвакуацию танка т. Лизюкова. Это было сделано. Но все в танке были мертвы. Снаряд разорвался в танке. Вскоре приехал т. Рокоссовский и приказал прекратить бесплодные атаки. Т. Лизюкова и его товарищей мы похоронили у с. Сухая Верейка»² [Афанасьев 2018: 149–150].

О конфликте Лизюкова с Чибисовым в изданных мемуарах Каткуова не говорилось. Однако «Память сердца» вернула долг сполна, освободив историческое событие от литературных атрибутов.

---

¹ Н. Е. Чибисов — генерал-лейтенант, командующий оперативной группой Брянского фронта; непродолжительное время в июле 1942 г. — заместитель командующего фронтом.

² Факсимильное воспроизведение рукописи см.: [Афанасьев 2018].

Это был факт без литературного опосредования. Это был факт, который явил себя на бумаге как ценнейшее свидетельство без литературных намерений. И это был факт, который поставил окончательную точку в вопросе о том, как погиб мой дед и где он был захоронен. Оковы позднейших подробностей, нередко восстановленных как бы сторонним, боковым зрением автора, готового разделить свою память о былом с чужими событиями и судьбами из документальной истории, пали. То, что могло подвергнуться неизбежной обработке в мемуаристике, здесь предстало во всей своей шероховатости и во всей своей правдивости. Чернильная строка на пожелтевшей бумаге сомкнулась с раскопом воронежских поисковиков, в котором весной 2008 г. они обнаружили останки Лизюкова и семи неизвестных воинов.

Любое общение с Палиевским ощущалось как притяжение глубины и увлекало на заданную им эмоциональную волну, расцвеченную всеми оттенками живой сиюминутности. Некоторая категоричность Палиевского не мешала ему относиться к собеседнику как к равному, приглашая если и не оспорить позицию мэтра, то, вне сомнения, заявить и объяснить свою собственную. В моем случае всё было именно так. Да и могло ли быть иначе? На моих глазах происходило поучительное сцепление судьбы человеческой и литературы, в котором первенство жизни было неоспоримым.

Палиевского по-настоящему огорчало, что люди поддаются на «подброшенные» слова: «...например, подброшенный термин “элиты”. А это специально подброшено. Это, во-первых, антихристианская идея, антикоммунистическая идея, антинародная идея, антирусская идея. Я впервые услышал это слово на совещании идеологическом, которое провел Горбачев. И он там распространил анкету, которую обещал опубликовать, где одним из первых пунктов стояло: “Как Вы определяете русскую элиту?” Я в ответе на это написал: “Глубоко чуждое русской культуре понятие”. И, наверное, не я один это написал. Ничего не опубликовали. И пошло: “элита”, “элиты”, “элиты”... По идее это перевертывание всего».

Моду на «идею самоидентификации» Палиевский высмеивал очень живо, иронично: «Что это такое? Это значит самого себя ограничить. ЗаклЮчить себя в систему национальных признаков. То есть самого себя поставить в клетку, которая не позволяет делать главный выход к тому общему, центральному, стволу, что пронизы-

вает все особенности и их ведет». Короткое наблюдение, предметное и конкретное, немедленно превращалось в теоретическое обобщение. Например — методологии чуждого Палиевскому структурализма, которая придерживается оппозиции «свой — чужой», вследствие чего моментально *«исчезает центральное, главное, что есть свое и чужое, которое есть ведущая сила»*. *«Сейчас занимаются самоидентификацией, выясняют, что такое “русскость”. Это что значит? — вопрошал Палиевский. — Самому себе на голову ведро надеть. Никаким определениям это не поддается»*.

Однако изысканная ирония и яркий образ ничуть не мешали Палиевскому настаивать, что теоретическая схоластика совсем не безобидна. Его принцип *«практические дела важнее теории»*, для Палиевского универсальный (*«я всегда и “по-ленински” так думал»*), учитывал серьезные риски, на которые ложный смысл обрекал живую жизнь. Время нынче страшно трудное, *«перетекательное»*, говорил Палиевский, находя соответствие ему в образе змеи: *«По скользкой линии идут: с одной стороны, как бы поддерживая национальное, а с другой стороны, национализм двумя руками работает, как и змея вообще. Змея, ведь она имеет возможности ползти в разные стороны с одной точки: туда и сюда. А на самом деле она своим путем идет»*.

Куда вел «змеиный путь» из 2016 г.? Мог ли вывести к благоденствию? Предложенный Палиевским образ делал сомнительной и тревожной перспективу такой дороги, хотя весь масштаб угрозы представлялся лично мне, прибывшему из спокойной, ухоженной Белоруссии, в дивном сочетании рассудочной оценки и интуитивного беспокойства, все больше владевшего мной.

Мысль и сердце Палиевского еще не раз позволят мне ощутить себя именно на **дороге**, которая станет лейтмотивом наших бесед и переписки, настораживая и его, и меня возникающим перепутьем, как это случилось с мальчиком в германской неволе, который, очутившись на чужбине, первым делом был поражен надписью на дорогах: «Privatweg». Частная дорога... *«Как может быть дорога... частной? — вспоминал свое детское изумление Палиевский. — Допустим, дом... Но дорога, которая специально создана для того, чтобы общаться, быть для всех людей!.. Почему она должна быть частной?»*

Жизнь формировала убеждения Палиевского, его художественную позицию, его научное мировоззрение. Про англичан он — блестящий

знаток англо-американской культуры — все понял не из книг, а в английской зоне оккупации, из которой семье Палиевских пришлось бежать в 1946 г., чтобы не быть угнанной обманым путем в Австралию. А первым «эстетическим» впечатлением Палиевского в самой Англии 1973 г. стал шекспировский Макбет в облике комиссара: в галифе и по локоть в крови. И все же воспоминания о войне, не написанные Палиевским, присутствовали в его образе мира и литературы лишь «*по поводу*», который должен быть столь значительным, что факты возможно понять «*только личным опытом*» (отчасти, «робко», по его признанию, это сделано в работе «Документ в современной литературе»).

И такой повод еще в 2016 г. Палиевский увидел в Белоруссии, хотя наверняка и раньше проблема «белорусскости» вызывала у него серьезные опасения. Легендарный визит теоретиков ИМЛИ в Академию наук Белоруссии в 1970 г. памятен в здешних академических кругах до сих пор, а в перестроечную пору и вовсе был частью самого злободневного идейного ландшафта. Достаточно вспомнить жаркую «огоньковскую» полемику Алеся Адамовича [Адамович: 3] и Вадима Кожинова [Кожин: 28].

Поначалу мне было трудно разделить тревоги Палиевского относительно белорусского будущего. Душа противилась его доводам и напору, а он (я это чувствовал) присматривался ко мне. Мое ощущение не было случайным. Ознакомившись позднее с одной из моих книг [Афанасьев 2016], Палиевский критически отнесся к некоторым именам, писательским репутациям и высказал мне это без обиняков. Не пытаясь переубедить Палиевского, я лишь объяснил ему свою позицию: почему выбраны эти имена, почему звучат эти произведения и в чем замысел книги. Но каким удивительным и драматическим, подчас даже трагическим образом все, тяготившее Палиевского предчувствием беды, обрело жестокую логику исторического события в августовские дни 2020 г. в Белоруссии! Как выяснилось годы спустя, ускользавшая от меня линия горизонта, дотянуться до которой из 2016 г. казалось невозможным, покорила Палиевскому уже тогда. Под его пронизательным взором литература не только обнаружила себя Предтечей событий, но и в реальности уготовила усекновение Головы.

Вообще Палиевский говорил о том, что судьба часто приближала его к событиям и людям «*ключевым*», чтобы, по его выражению, «*впитать*» этот опыт и «*учесть в дальнейшем, головой, что это означает*». И вспоминал, как его семью в 1943 г. отправляли на чужбину, в рабство.

Этот путь лежал через Минск, где Палиевские оказались на следующий день после ликвидации белорусскими подпольщиками Вильгельма Кубе — так называемого «гауляйтера Белоруссии», возглавлявшего оккупационную немецкую администрацию. Палиевский своими глазами видел разгул репрессий в Минске, остервенение оккупантов, которые вымещали злость на совершенно случайных людях. Лагерь с угнанными в Германию размещался недалеко от Академии наук, что, по ироничному замечанию Палиевского, сформировало у него «*провиденциальную в этом смысле связь*».

Все пережитое Белоруссией интересовало Палиевского не из праздного любопытства.

В 2016 г. Европа как будто распахнула свои объятия Белоруссии и готова была (как это виделось Палиевскому) заключить в них не только Сапегу, который «*брал Лавру — да не смог взять*», но взошел на современный белорусский пьедестал. В его тени Палиевский с тревогой угадывал силуэт минского культуртрегера времен оккупации, после бегства с немцами преуспевшего на Западе с книгой «Достоевскоеведение в СССР»¹. Размышляя над какими-то моментами моей книги, где о литературе говорилось в связи с национальным строительством и национальными катастрофами, Палиевский с присущей ему бескомпромиссностью откликнулся и на мое письмо, в котором я сравнил его прежние суждения о моем скромном сочинении с напутствием. «...*Я никак не мог, да и не вправе, “напутствовать” Вас “измениться”, — уведомлял меня Палиевский. — “У Вас своя дорога”, как пел старый романс, и она (на мой взгляд) очень верная. Другое дело, что она не Ваша и не моя и т.д. только личная, и тут многое еще, тоже на мой взгляд, необходимо досообразать*»².

---

¹ Палиевский имел в виду В. Седуро [Белов: 268] — организатора, вдохновителя и лидера белорусской коллаборантской прессы в оккупированном Минске, по знаковому совпадению — самозабвенного почитателя Льва Сапегу как олицетворения национальной государственности. Знаменитый белорусский поэт, партизан А. П. Астрейко, откликаясь статьей «Гнеўная памяць» на судебный процесс 1964 г. над фашистскими преступниками в Кобленце, мечтал увидеть Седуро «и прочую нечисть» на скамье подсудимых. См.: [Федеральный архивный проект...].

² Электронное письмо Палиевского от 1 февраля 2018 г. в личном архиве автора.

«Досообразать» приходится после потрясений в Белоруссии, после всего, что меняет на наших глазах облик мира. Для Палиевского отсчет исторических времен Белоруссии и России мог быть верным только на часах, которые... остановились в полночь. Хрестоматийный белорусский фильм о ликвидации Кубе («Часы остановились в полночь») на всю жизнь остался для Палиевского одним из любимых. Анатолий Адоскин в роли немецкого офицера приводил Палиевского в восторг: *«Это просто открытие! Когда он убеждает: “Я очень гараший мужик” и показывает, как чистить зубы, — это идеально совершенно сделанный немец. Не рычащий фашист, который режет, убивает, а вот какой основной немец!»* Однако при этом все равно враг, для Палиевского — коварней во сто крат.

Когда Палиевский говорил о том, что в оккупацию *«зернышки Кубе все-таки сработали»*, его заботил не только день вчерашний, в котором в лагерь приходили коллаборанты-вербовщики. Палиевский все-рез опасался, что новое время будет взращивать и культивировать ядовитые семена, снабдив их для этого средствами *«более объемными»*.

В этом смысле Палиевского очень интересовал случай Кубе, взорванного *«замечательно точно и не случайно»*. Он вспоминал свои смоленские военные годы, 30-километровую прифронтовую полосу, где части вермахта некоторое время демонстрировали симпатию к устройству местной жизни, пропитывая ее при этом бешеной антисоветской пропагандой. Такую подмену исторического смысла, в конце концов, грозившую народу гибелью, Палиевский рассматривал как угрозу чрезвычайную и не допускал, что от такой опасности избавил бы успех покушения на Гитлера (в июле 1944 г. — вслед за неудачным смоленским) полковника Штауффенберга, который на посту начальника штаба Резервной армии опекал изменника Власова.

Знакомство с Палиевским удивительно совпало с завершением моей работы над книгой *«Судьба командарма Лизюкова: версии, мифы и правда»*, где речь шла и о генерале Власове, которому иные рьяные историки приписывают чудо под Москвой в декабре 1941 г. Я был вдохновлен тем, что удалось найти документы, которые окончательно опровергали унизительный и живучий миф. Впрочем, у этой истории была одна деликатная сторона, причудливым образом связавшая историю Великой Отечественной войны, литературу и... *«Русский Букер»*.

Как известно, лауреатом «Русского Букера» за 1995 г. и «Букера десятилетия» (2001 г.) стал роман Георгия Владимова «Генерал и его армия», одним из важнейших персонажей которого является генерал Власов, увенчанный нимбом творца Московской победы. Литературные победы самого Владимова были очень дороги Льву Александровичу Аннинскому: и как взыскательному критику, председателю Букеровского жюри в один из сезонов, и как верному, сердечному другу писателя по жизни. В своей книге «Вещество литературы в эпоху катастроф: Война. Чернобыль. Человек», подаренной Аннинскому, мне уже довелось разбирать «казус Власова» и весьма критично переоценивать значение «Генерала и его армии», опираясь на новые, прежде не известные документы [Афанасьев 2016: 174–178, 218–223]. Наверное, можно было ожидать от Аннинского возражений и сугубо литературной аргументации в защиту романа, однако его отклик стал для меня примером благородной верности критика человеческой дружбе с Владимовым и настоящего служения литературе, которое истину ставит превыше всего. В размышлениях Аннинского о моей книге на страницах «Юности» одна его фраза сказала всё: «Дотошный историк» [Аннинский: 13].

Между тем обнаруженные мной документы однозначно утверждали исключительный вклад в спасение столицы Александра Лизюкова — заместителя Власова по должности в 20-й армии, но фактического командующего армией по сути, именно так и представленного во фронтовом донесении и в наградном листе к ордену Ленина за спасение Москвы. В первом случае начальник штаба 64-й стрелковой бригады майор Горбачев 3 декабря 1941 г. сообщал командиру танковой группы: «Командующий армией Герой Советского Союза полковник Лизюков приказал передать Вам...»¹. Во втором — сам Власов, представляя Лизюкова к ордену Ленина, определял действительную роль своего номинального заместителя: «Тов. Лизюков с 30.XI.41 г. по 1.I.42 г. все время руководил боевой деятельностью войск 20 Армии»².

Важнейшими в моей книге были и смоленские страницы, посвященные подвигу военного коменданта Соловьевой переправы Александра Лизюкова.

---

¹ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 1868. Оп. 1. Д. 1. Л. 15.

² ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682524. Ед. хр. 6. Л. 3.

Через Соловьёву переправу на Днепре, получившую имя по названию поселка Соловьёво, летом 1941 г. осуществлялись снабжение сражавшихся под Смоленском 16-й и 20-й армий и отход отступавших вслед за частями Красной Армии мирных жителей. К началу августа Соловьёва переправа осталась единственной, по которой возможно было перемещение. В историю Великой Отечественной войны Соловьёва переправа вошла наряду со Ржевом как символ невиданного героизма, солдатского самопожертвования и немыслимой человеческой трагедии. Людские потери от чудовищных гитлеровских обстрелов, бомбежек и атак исчислялись на переправе десятками тысяч.

В этом бесконечном кошмаре Лизюков спас от уничтожения две наши окруженные армии. Он собирал штабы, принимал на себя командование, выводил личный состав через переправу на наш берег Днепра, туда, где нужно было создавать новый рубеж обороны Москвы¹. Лизюков прокладывал дорогу жизни одному из героев Смоленского сражения — командующему 16-й армией генерал-лейтенанту М. Ф. Лукину. За бои под Смоленском Лукин был удостоен ордена Красного Знамени [Указ... 29 июля]. Лизюкову одному из первых в начальный период войны в августе 1941 г. было присвоено звание Героя Советского Союза [Указ... 6 августа].

Смоленская история накладывала на меня серьезные моральные обязательства перед Палиевским, который признавался: *«Соловьёв перевоз² для меня и теперь живая жизнь, а то, что Вы подняли тех, кто сквозь него ее провел, — честь Вам и хвала. В пример всем, перед которыми поставлены новые “перевозы”»*³. В 1941 г. Петр Васильевич своими глазами видел ад переправы: *«Соловьёв перевоз. Ведь мы бежали из города на лошади, которую дали отцу. Он был крупный деятель в это время, руководитель треста “Смолстрой”. Мы подъехали к этому Соловьёву перевозу. Вы знаете, это что-то было чудовищное! Дело в том, что пропускали только военных в основном, потому что они*

---

¹ Свидетельства о фронтовой обстановке на Соловьёвой переправе сохранились в стенограмме беседы участника событий, секретаря Смоленского обкома ВКП (б) Д. М. Попова с комиссией по истории Великой Отечественной войны АН СССР (15 декабря 1943 г.). Подробнее см.: [Афанасьев 2018: 25].

² Так Палиевский называл Соловьёву переправу.

³ Электронное письмо Палиевского от 14 ноября 2016 г. в личном архиве автора.

должны были выйти из окружения. Мы издалека это видели. А эти самые “штукас” — “Юнкерс-87”, пикирующие бомбардировщики, делали из этого кровавую баню, из людей, пытавшихся перебраться... Героические защитники этого Соловьева перевоза сделали все все-таки, чтоб вывести. Но некоторые остались. Люди нам говорили (я этого лично не видел): Днепр красный был от крови. Красная река текла».

Когда моя книга вышла, я подарил ее Палиевскому и с особым волнением ждал вердикта. Оценка предыдущей моей монографии не обещала поправки. И Палиевский остался верен себе, но как! *«В вашей книге видно, как вы идете: от некоторого рода либерального представления об эпохе — к правильному представлению, — чеканил Палиевский. — Так что я говорю: книга о Лизюкове — она совершенно безупречна и в этом смысле даже несколько противостоит как некоторого рода развившийся этап всей вашей деятельности».* Щедрость похвалы Палиевского окрыляла: *«Книжка о Лизюкове, я считаю, у вас просто выдающаяся. По-моему, даже лучшее, что вы в последнее время написали. Для меня это просто чуть ли не святой материал».*

Наверное, Палиевского радовал путь, общая дорога, которая уже не могла быть только «моей». Что давало ему такую уверенность? Знание жизни? Литературы? Или ответ в том, что явленная Палиевским орбита даже не интересов научных, а мысли человеческой, объемлющей все в этом мире в его целостности и в его противоречивости, как раз и отвечает тем великим заветам русской классики, которые он усвоил, вероятно, лучше кого бы то ни было. Для Палиевского в литературе уже отражалось будущее, к которому мы должны стремиться.

После выхода в 2018 г. Указа Президента России В. В. Путина о посмертном награждении Лизюкова полководческим орденом Жукова «за умелую организацию боевых действий войск в ходе стратегических операций Великой Отечественной войны в 1941–1942 годах» [Указ Президента], Палиевский, зная о том, что мною было подготовлено документальное обоснование награждения, и радуясь от души результату, немедленно ставил новую задачу: *«Чтобы это был не просто акт личного признания, а значение этого факта. Значение вашего факта, к которому вы пришли как к мировоззрению такому уже серьезнейшему».* И заключал: *«Действительно, жизнь выше литературы, а, с другой стороны, она переходит в литературу. Это сильно уже прозвучало бы: и в диссертации, и дальше».*

«Дальше», к несчастью, была кончина Палиевского в октябре 2019 г. И белорусская смута августа 2020 г. Моя дорога в ней сложилась словно по предсказанию Палиевского. В тревожные белорусские дни мне с отцом по собственной инициативе пришлось разработать проект и сценарий «Железного марша гомсельмашевской техники». Могучая поступь мощной мирной техники и трудовых людей по центральным городским улицам на пике мятежного августа сбила накал противостояния в Гомеле, что признали те, кто тогда был по разные стороны белорусских баррикад. «Стволовое» (по Палиевскому), которое есть «свое и чужое», победило. До сих пор потребность поделиться этим с Палиевским необычайно велика. Убежден, ничуть не колеблясь: и для Палиевского такой разговор был бы важен. Впрочем, даже отчасти начат — его словами по поводу книги: *«Пожелание: героическое начало, то есть преодолевающее, что в Лизюкове есть, а не, извините, всякие тяжелые уроки, жертвы страшные и невосполнимые, трагедии и так далее».*

Кто усомнится в необходимости Палиевского в наши времена, которым надлежит стать героическими, чтобы не стать последними? На Соловьевом перевозе...

Список литературы Источники

Адамович А. Как прорезживать «морковку». Открытое письмо Вадиму Кожиню-ву // Огонек. 1989. № 35. С. 3.

Катуков М. Е. На острие главного удара. М.: Воениздат, 1974. 429 с.

Кожин В. Плод раздраженной фантазии. Ответное письмо Алесю Адамовичу // Огонек. 1989. № 41. С. 28.

Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. URL: <https://victims.rusarchives.ru/ap-astreyko-gneunaya-pamyac-statya-o-sude-nad-fashistskimi-prestupnikami-v-koblence> (дата обращения: 01.03.2022).

Указ Президента Российской Федерации от 15.02.2018 г. № 72 «О награждении орденом Жукова Лизюкова А. И.» // Президент Российской Федерации: официальный сайт. 2018. 15 февраля. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/42817> (дата обращения: 01.08.2022).

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 июля 1941 г. «О награждении орденом Красного Знамени генерал-лейтенанта Курочкина П. А., корпусного комиссара Семеновского Ф. А., генерал-лейтенанта Лукина М. Ф., дивизионного комиссара Лобачева А. А. // Известия. 1941. 29 июля.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 августа 1941 г. «О присвоении звания Героя Советского Союза полковнику Лизюкову А. И.» // Известия. 1941. 6 августа.

Исследования

Аннинский Лев. Черно-быле-осознание: Заметки неисторика. Продолжение // Юность. 2017. № 11. С. 13–15.

Афанасьев И. Н. Вещество литературы в эпоху катастроф: Война. Чернобыль. Человек. Гомель: Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, 2016. 336 с.

Афанасьев И. Н. Судьба командарма Лизюкова: версии, мифы и правда. М.: Вече, 2018. 320 с.

Белов С. В. Материалы для библиографии русской зарубежной литературы о Достоевском (1920–1971) // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. URL: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/Dostoevsky/Materialy/%D0%A2_10/23_%D0%91%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%B2_255.pdf (дата обращения: 01.08.2022).

Палиевский П. В. Литература и теория. М.: Сов. Россия, 1979. 288 с.

References

Anninskii, L. “Cherno-byle-osoznanie: Chitaia Ivana Afanas’eva” [“Chernobyl-awareness: Reading Ivan Afanasiev”]. *Iunost’*, no. 11, 2017, pp. 13–15. (In Russ.)

Afanas’ev, I. N. *Veshchestvo literatury v epokhu katastrof: Voina. Chernobyl’. Chelovek* [The Substance of Literature in the Age of Catastrophes: War. Chernobyl. Human]. Gomel, Francisk Skorina Gomel State University Publ., 2016. 336 p. (In Russ.)

Afanas'ev, I. N. *Sud'ba komandarma Liziukova: versii, mify i Pravda* [The Fate of Commander Lizyukov: Versions, Myths and Truth]. Moscow, Veche Publ., 2018. 320 p. (In Russ.)

Belov, S. V. "Materialy dlia bibliografii russkoi zarubezhnoi literatury o Dostoevskom (1920–1971)" ["Materials for the Bibliography of Russian Foreign Literature on Dostoevsky (1920–1971)"]. *Elektronnye publikatsii Instituta russkoi literatury (Pushkinskogo Doma) RAN* [Electronic Publications of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) RAS]. Available at: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/Dostoevsky/Materialy/%D0%A2_10/23_%D0%91%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%B2_255.pdf (Accessed 01 August 2022). (In Russ.)

Palievskii, P. V. *Literatura i teoriia* [Literature and Theory]. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1979. 288 p. (In Russ.)